

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ДИСКУРСИВНЫХ СЛОВ С ДИФФУЗНЫМ ЗНАЧЕНИЕМ

Статья посвящена изучению функционирования наиболее частотных дискурсивных слов (дискурсивов) с диффузным значением в дискурсах разного типа. Исследование выполнено на материале русской и английской научной речи и речи СМИ с привлечением данных личной картотеки автора и материалов Национального корпуса русского языка. Диффузность дискурсивов рассматривается в теоретико-лингвистическом и ортологическом аспектах. Диффузность дискурсива определяется как недифференцированность, недискретность его значений, в результате чего такие слова становятся полифункциональными. Нечеткость и расплывчатость значений некоторых дискурсивов объясняется их полной или частичной десемантизацией, вследствие чего возможны речевые ошибки в их употреблении.

Ключевые слова: дискурсивные слова; диффузность; русский язык; английский язык; научная речь; речь СМИ; десемантизация.

Дискурсивные слова, или дискурсивы, – это вербальные способы выражения вспомогательной функции в коммуникации. К ним относятся особые лексические единицы: слова, словосочетания и устойчивые речевые обороты (иногда предложения), общая функция которых заключается в помощи коммуникантам в процессе создания дискурса, его реализации и восприятия [1, 2].

Дискурсивы носят транскатегориальный характер, критерием объединения всех этих разнородных единиц в один класс дискурсивов является их общая функция, связанная с регулированием речевого контакта и организацией дискурса в помощь адресату. Определение границ класса дискурсивных слов является дискуссионным вопросом в лингвистике, общепринятого списка таких слов не существует и, вероятно, не может существовать. Разные лингвисты по-разному определяют как сами дискурсивные слова, так и границы и объем класса этих слов. Этот класс пополняется новыми единицами, которые в силу разных причин, например десемантизации, переходят в этот класс. Многие дискурсивы являются словами знаменательных частей речи и становятся дискурсивными лишь при определенных условиях. При регулярном выполнении дискурсивных функций такие слова можно относить к классу дискурсивов, несмотря на их исконную знаменательность и принадлежность к тем или иным частям речи (ср. *скажем, вероятно, понимаешь* и др.). Тем не менее большинство лингвистов сходятся во мнении о том, что дискурсивы отвечают в конкретном дискурсе за его организацию и оформление, регулируют отношения между говорящим и слушающим, проясняют позицию говорящего.

Дискурсивные функции условно можно разделить на две группы: регулятивного и организационного характера. Регулятивные функции связаны с выражением разной степени достоверности высказывания, дополнительных смыслов, своего мнения, оценок содержания и речи, эмоционального отношения, совершением речевых действий, расстановкой акцентов, выделением главного, регулированием отношений говорящего и слушающего. Организационные функции проявляются на уровне предложения и на уровне текста и дискурса. На уровне предложения дискурсивы связывают несколько предложений или их части – это сигналы логических отношений, введения примера, добавления информации, поиска слова. На уровне дискурса дискур-

сивы указывают на его компоненты (начало, переходы от темы к теме, заключение), очередность и последовательность тем, идей, отсылают к фрагментам того же текста или другим текстам. Мы полагаем, что все эти функции позволяют нам считать дискурсивы единицами вспомогательного уровня коммуникации и противопоставлять их основным коммуникативным единицам, передающим основную, фактуальную информацию. В ранее опубликованных работах мы уже рассмотрели особенности значения и употребления многих дискурсивных слов разного типа в научном и публицистическом дискурсе [3–5].

Материалом для данного исследования послужили тексты устной и письменной научной речи на русском языке в объеме 52 000 словоупотреблений. Устная речь представлена монологической формой – лекциями по лингвистике, физике, химии, психологии, а диалогическая – записями заседания коллектива сектора, предварительного обсуждения и защиты диссертации. Исследовались тексты научной речи, опубликованные в сборнике «Современная русская устная научная речь» [6], и из фондов кафедры русского языка и речевой коммуникации Саратовского университета. Письменная научная речь представлена научными статьями по лингвистике, физике и медицине. К исследованию был привлечен также и русский публицистический дискурс – газетные статьи в объеме более 13 000 словоупотреблений. Кроме того, привлекались данные из личной картотеки автора (материалы телепередач) и материалы Национального корпуса русского языка (НКРЯ) (<http://ruscorpora.ru/>). Были исследована и устная английская речь в объеме 24 000 словоупотреблений: научный дискурс (лекции по литературе, истории, физике) и научно-популярный (интервью с учеными). Исследовались также личные наблюдения использования дискурсивов в англоязычной среде.

Для нас дискурсивы – это единицы прежде всего функционально-прагматического уровня, которые могут иметь разное значение и разную структуру, многие из них при этом характеризуются полным или частичным отсутствием денотативного значения. Семантика таких дискурсивов, с одной стороны, размыта, расплывчата, с другой стороны, их значения комплексные, слитные, неразложимые на составляющие, т.е. их можно охарактеризовать как диффузные. В качестве примера можно привести русские дискурсивы *собственно говоря; скажем; на самом деле; дело в том, что; хо-*

proso, английские дискурсивы *okay, like, you know, kind of, I mean* и др. Они используются в самых разных ситуациях речи, их значения с трудом поддаются описанию в силу своей неопределенности; кроме того, их значения в речи иногда отличаются от значения в словаре, и в нашем материале они очень частотны. Данная статья посвящена особенностям функционирования наиболее часто встречающихся в научном и массмедийном дискурсах дискурсивов с диффузным значением. Диффузность рассматривается в теоретико-лингвистическом аспекте, в рамках которого устанавливается функционально оправданное расширение семантики и функции анализируемых слов, и ортологическом – выявляются нарушения норм в использовании таких единиц.

В последнее время диффузность языковых единиц все чаще становится предметом исследования лингвистов. Диффузность определяется как особая категория слова или предложения, проявляющаяся в виде недифференцированности, недискретности его значений. А. Киклевич определяет диффузность как «недоопределенность содержания языковых знаков различного уровня (морфем, лексем, словосочетаний, предложений, текстов), размытый характер границ между значениями и их категориями в семантической системе языка и в языковой коммуникации» (цит. по: [7. С. 43]). По словам Д.Н. Шмелева, диффузность – это «совместимость отдельных лексических значений, когда их разграничение не осуществляется (и не представляется необходимым)» [8. С. 382]. Диффузные слова, или диффузы, по словам Н.В. Зиминой, становятся «всезначущими», и это является одним из проявлений категории неопределенности [9].

О.Б. Сиротинина пишет, что «диффузные обозначения в принципе не менее необходимы, чем точные, так как экономят усилия и адресанта, и адресата». Эти расплывчатые обозначения чего-либо применимы «в разных ситуациях, к очень разным предметам и явлениям окружающего нас мира и служат своеобразными классификаторами – элементами сетки языка, которая накладывается на восприятие мира» [10. С. 7]. К диффузам относятся не только местоимения разного типа (личные, указательные, неопределенно-личные), местоименные наречия и прилагательные (*там, здесь туда, сюда, такой*), но и слова знаменательных частей речи (*определенный, вышеназванный, делать, штука, штукovina, вещь, дело*). Иногда диффузами становятся слова из семейного лексикона, имеющие специфическую, понятную только в этой семье, историю своих значений [10, 11]. Примерами диффузных слов являются и исследуемые Н.В. Зиминой предикаты средней оценки *нормально* и *ничего* [9].

В современной отечественной лингвистике диффузность исследуется на материале разговорной речи [9], речи СМИ [10, 12, 13], художественной речи [14, 15], фольклора [16]. Т.Е. Янко пишет о диффузности некоторых интонационных акцентов в английском языке [17]. Л.А. Петрова выявляет в художественных текстах лексемы с «глубокой смысловой диффузностью» и полагает, что такие единицы «определяют векторы художественного обобщения и передают смысло-

вую полноту эстетических трансформаций в концептуально-лексической системе» [15. С. 141]. Б.Т. Ганеев исследует диффузность слов в разных языках в связи с проблемой энантиосемии – способности слова выражать антонимичные значения [11]. О неопределенности и диффузности в семантике русских частиц пишет А.Ю. Чернышева [18]. М.А. Кормилицына исследует неопределенность в текстах СМИ на уровне семантики и синтаксиса [19, 20]. Диффузность исследуется также в связи с обучением иноязычной лексике. Т.М. Шкапенко доказывает, что «в определенных случаях носители языка не ощущают дискретности отдельных лексико-семантических вариантов слова, и семантическая диффузность представляет собой способ хранения класса многозначных слов в ментальном лексиконе его носителей» [7].

Самая насыщенная диффузами – разговорная речь, и только в ней их употребление, как правило, не связано с рисками, т.е. не ведет к непониманию и не вызывает коммуникативных сбоев. В других сферах общения – в деловой, научной и массмедийной коммуникации – с использованием диффузной лексики следует быть осторожным. В нескольких своих работах последних лет О.Б. Сиротинина с тревогой отмечает растущую тенденцию к неоправданному использованию такой лексики в русской речи, в частности в языке СМИ, что влечет за собой не только коммуникативные, но и социальные риски [10, 12, 13].

Диффузность наряду с полисемией и синкретизмом трактуется как одна из разновидностей многозначности слова. Ю.Д. Апресян пишет, что «меру дискретности значений при их описании в толковом словаре обычно сильно преувеличивают и видят четкие границы там, где фактически, при ориентации на реальное разнообразие текстов, обнаруживается неясная, размытая промежуточная область», где и располагаются «диффузные, неопределенные или двусмысленные» значения [21. С. 510, 511].

О.Б. Сиротинина в своих статьях отмечает диффузный характер ставшего модным дискурсива *достаточно*, который в речи СМИ часто употребляется ошибочно вместо *довольно* [10, 12, 13]. О.И. Северская пишет, что «в употреблении слова *достаточно* сказывается нелюбовь к определенности, замаскированная внешним стремлением к точности» [22]. В научной речи мы тоже находим подобные употребления – и в статьях (*Диапазон областей использования ПДЖК в настоящее время достаточно многообразен; Данные принципы оценки и коррекции изображения достаточно просто автоматизировать*), и в лекциях (*Дело в том / что в шестьдесят седьмом году / вышла / книга / «Verbal Behaviour» / «Речевое поведение» / и достаточно знаменитого человека // по фамилии Скиннер*). Хотя следует признать, что диффузные употребления *достаточно* в научном дискурсе все-таки являются единичными.

Как один из наиболее распространенных в устной речи дискурсивных слов с диффузным значением нами отмечен дискурсив *на самом деле*, имеющий в составе слово *дело*, значение которого довольно размыто, неопределенно. В словарях мы находим две разновидности этого дискурсива: наречие со значением «в дей-

ствительности; так, как оно есть» и вводное слово, указывающее на достоверность происходящего, произошедшего [23]. Если в письменной речи (например в газете) различия между двумя значениями определяются помимо контекста еще и пунктуацией (вводное слово выделяется запятыми), то в устной речи наречие от вводного слова отличить сложнее, особенно при неуместном использовании этого дискурсива. Приведем примеры из газет: *Модно рассуждать о том, что прагматизм и индивидуализм свидетельствуют о декадансе западной цивилизации. Забавно, что ненавидящие Запад на самом деле так стремятся туда понасть* (Московский комсомолец. 21.02.2011); *Опрос ВЦИОМ на самом деле был более широк, он показал удивительные результаты и по другим вопросам* (Московский комсомолец. 11.02.2011). Понятно, что в этих употреблениях *на самом деле* является наречием, его значение вполне определенное и четкое. Е.Г. Борисова считает, что с помощью этого дискурсива осуществляется коррекция возможных предположений адресата путем прямого противопоставления их реальности [24].

Однако с примерами из устной речи при трактовке *на самом деле* возникают сложности в связи с его нечетким значением, и такие употребления можно, вероятно, считать диффузными. Приведем примеры из различных телепередач: *Мне на самом деле очень понравилось. Было очень интеллигентное исполнение* (Голос. 25.10.2013); *Я хочу себя изменить. На самом деле я не знаю, как это сделать* (Модный приговор. 27.09.2013); *Вы знаете, на самом деле когда я шла сюда, я пожалела, что не взяла сюда сына* (Минута славы. 12.10.2013); *Люди попали в беду. Нужна ваша помощь. На самом деле эти люди настоящие герои* (Анонс акции в поддержку Дальнего Востока. 26.09.2013); *А я и не волнуюсь совсем (смех). На самом деле, конечно, вы это сделали по-настоящему, правильно, я восхищен вами очень сильно* (Голос. 01.11.2013). Некоторые из этих употреблений вроде бы соответствуют первоначальному значению наречия *на самом деле*. Но все равно, как нам кажется, ощущается некая странность такого употребления, так как в этих ситуациях никто не оспаривает действительность и реальность обсуждаемого факта, нет никакого противопоставления реальности и нереальности; в этих дискурсивах превалирует скорее акцентирующее значение, а не изначально присущее. М.А. Кронгауз пишет, что «произносящий без нужды эту фразу (на самом деле. – Е.В.) хочет придать вес своим словам, убедить себя и окружающих в том, что он говорит правду», он как бы развенчивает всё, сказанное раньше, и «в некотором роде присваивает право на истину» [25].

Как показал собранный нами материал, в большинстве случаев *на самом деле* употребляется в самом начале фразы, в качестве своеобразного вступительного хезитатива, в котором «вербализуются колебания говорящего в выборе речевых средств» [26. С. 73]. Возможно, этот дискурсив превратился уже в словопаразит [22, 25], настолько далеким от первоначального значения, «странным» и неуместным (однако весьма частотным) стало его использование: *На самом деле, я выслушала твою историю, мне кажется, мы очень*

похожи (Давай поженимся. 30.10.2013); *На самом деле, я хочу сказать вам большое спасибо. Это музыка как нельзя лучше подчеркивает то состояние чистоты, которое вы передаете* (Голос. 25.10.2013); *На самом деле, пастернак у нас почти сварился; На самом деле, если вы не хотите есть картошку, вы можете есть пюре из пастернака* (Смак. 21.09.2013); *На самом деле, желаем вам прибавить в следующей программе* (Ледниковый период. 22.09.2013); *На самом деле, я удивлен, я в шоке пребываю. Вы такая свободная* (Голос. 27.09.2013); *На самом деле, я очень расстроилась, очень хотелось до зрителей донести историю фильма, но не получилось* (Ледниковый период. 22.09.2013); *На самом деле, просто нет слов, очень неожиданно для нас* (Ледниковый период. 29.12.2013). Подобные употребления данного дискурсива, когда нельзя четко определить его значение, когда значение не соответствует словарному, встречаются очень часто в современной речи. *На самом деле* можно условно признать дискурсивом универсальным для оформления начала реплики или вступления в разговор, хотя такое употребление, безусловно, неуместно. Справедливости ради скажем, что почти все приведенные примеры зарегистрированы в речи не журналистов, а обычных носителей русского языка – спортсменов, артистов, участников и гостей телепередач. По всей видимости, *на самом деле* можно квалифицировать как «модное слово»: о «повальном увлечении» и чрезвычайной востребованности этого дискурсива в современной русской речи пишут многие лингвисты [22, 25, 27].

Примеры диффузного использования этого дискурсива в единичных случаях встречаются и в устном научном дискурсе. Ср. фразу из научного доклада: *Значит / на самом деле / вот смотрите / что такое «приглашенный профессор» / допустим?* (из материалов НКРЯ, 2012).

Дискурсив *собственно говоря* тоже, вероятно, можно отнести к диффузным. Его первоначальное значение «в сущности, по существу, выражаясь точнее» [23] часто стирается, тем самым превращая этот дискурсивный оборот в десемантизированный хезитатив, в «лишнее» слово. Примеры из теле- и радиопередач: – *Вы только в 38 лет почувствовали особую радость материнства. – Ну, собственно говоря, кому-то кажется, что трое детей это много, но для меня это нормально* (Наедине со всеми. 23.12.2013); *Я помню... выхожу из автобуса и ожидаю увидеть / собственно говоря / переводчика; Ну / собственно говоря / вы будете голосовать / что вы меня спрашиваете / как вы думаете?; И вы понимаете / что вот один день взять и / собственно говоря / что столько дела / столько было планов / столько было надежд...* (НКРЯ). Н.В. Богданова считает *собственно говоря* книжным хезитативным маркером, а его избыточное употребление – признаком «плохой речи» [26]. Нескольких случаев употребления этого дискурсива зафиксировано и в устной научной речи – как в лекциях, так и в научных обсуждениях. Однако здесь *собственно говоря* использовано в соответствии со своим значением – в функциях дискурсива-акцентива и речевой оценки, хотя и поисковое значение в нем тоже присутствует: *Дело в том, что не только в лингвистике, но и во всех, соб-*

ственно говоря, специальных науках существует с давних времен свое понятие метода; И прогресс этот является, *собственно говоря*, вот, не абсолютным в том смысле, что когда-то такого удовлетворения не было (лекция по лингвистике); В том разделе где они дают / характеристику / ну / *собственно говоря* / не внедрение этого в речи / а / вот что ли для понимаете текста / для развития какого-то языкового чутья (обсуждение диссертации).

Дискурсив дело в том, что, выделенный в одном из вышеприведенных примеров, также проявляет диффузность значения, которая определяется размытой семантикой лексемы *дело* и функциональной широтой использования этого дискурсива: он может предварять любое объяснение, акцентировать внимание слушающего на какой-то мысли, идее, добавлять к сообщению что-то важное и даже просто связывать одну реплику с другой. В научном дискурсе он встречается и в монологе, и в диалоге: *Мною рассматриваются две сферы общения / сфера общения обиходно-бытовая / и профессионально-производственная / и социально-культурная сфера // Дело в том / что я не могу сказать что я ограничиваю / не беру все другие сферы / которые выделяет скажем Скалкин / там восемь сфер общения / это просто некоторое обобщение / Дело в том что все сферы которые выделяет Скалкин скажем / сфера игр и развлечений <...> они у меня входят / э в обиходно... э бытовую сферу общения* (обсуждение диссертации).

Выше мы уже упоминали о диффузности предикатов оценки *нормально* и *ничего*. В материалах устных научных диалогов часто встречается дискурсив *хорошо*, который также отличается диффузностью значения. Его общеоценочное значение в некоторых ситуациях практически полностью утрачивается, и он функционирует только в качестве фатического сигнала приема сообщения, как своеобразный вариант поддакивания, как «универсальный показатель речевого жанра согласия, положительного ответа» или как «выражение готовности говорящего сделать определенное допущение, предположение» [28. С. 149]. *Хорошо* используется и как сигнал перехода к другой теме, началу нового сообщения. Доказательством диффузности этого дискурсива могут служить ситуации, когда в диалоге обсуждается что-то негативное или даже трагическое, на что никак нельзя прореагировать с помощью *хорошо*. Тем не менее *хорошо* встречается и в таких случаях и расценивается нами исключительно как дискурсив, регулирующий речевой контакт – сигнал обратной связи. Как нам кажется, этот дискурсив утрачивает значение положительной оценки содержания речи и переносит ее с содержания речи на саму речь или речевой контакт. То есть здесь наблюдается определенное смещение вектора оценки в связи со сменой объекта оценки. Кроме того, в этом дискурсиве происходит смещение функций организационных (завершение одной темы и переход к другой) и регулятивно-оценочных, что также является проявлением диффузности. Приведем примеры употребления *хорошо* из диалогической научной речи:

В. *Вот я сегодня как раз говорила с С. что мы / все / за функциональную грамматику / но мы ее понимаем / очень по-разному /*

Б. *Хорошо / Тогда я включаюсь / опять / и говорю [нрзбрч.] // Хорошо? // И вот то что мы щас пишем // чтоб было понятно //*

А. *Очень хорошо / Произнесем тронные речи /*

Б. *Хорошо / Произнесем тронную речь / Значит тезис первый* (заседание коллектива сектора).

Еще более популярным, чем русское *хорошо*, является английский дискурсив *okay*. Он также в большинстве случаев десемантизирован и выступает в качестве фатического сигнала вовлеченности слушающего в процесс коммуникации, а также служит для слушающего отправной точкой для его следующего высказывания. Приведем фрагмент из интервью с ученым:

Журналист: *Okay, your position now, what are <...> your responsibilities?*

Ученый: *Contracting Officer Technical Representative on potential avuan projects <...> Very similar duties and responsibilities as when I worked in Alaska.*

Журналист: *Okay, when you worked in Alaska, what was your title?*

Ученый: *Wildlife Biologist.*

Журналист: *Okay, so let's go into your work with the bowheaded whale migration surveys.*

Ученый: *Right.*

Как видим, журналист каждую свою реплику начинает с дискурсива *okay*, будто каждый раз отмечая этим словом новую ступень в разговоре. *Okay* так же, как русский дискурсив *хорошо*, сочетает в себе организационные и регулятивные признаки.

В монологическом дискурсе *okay* может служить сигналом новой мысли или сигналом вывода в связи с внутренними противоречивыми размышлениями говорящего. Пример такого употребления из лекции по литературе: *Two ideas of childhood here the one we're looking at is evangelical / it has to do with a particular idea about religion / and spiritual status / where the child is posited / as not innocent / as fallen already / So the child / has to aspire / to spiritual redemption it has to be saved / okay so this is not a vision of a child who is innocent / this is an idea of childhood / that it is fallen.*

Таковыми же семантически размытыми оказываются и другие весьма частотные английские дискурсивы: *right, well, so, you know, sort of, like*. Последние два маркера выступают как сигналы снижения категоричности, выражения приблизительности, неточности, как, например, в следующей реплике ученого из интервью: *And I said I would sort of revisit that, and he ended up publishing that like a year later or something*. Оборот *or something* также выступает маркером неточности. Чаще эти дискурсивы встречаются в неформальной речи [29, 30].

Дискурсив *like* привлекает особое внимание лингвистов как раз в связи с его ярко выраженной диффузностью. Современные словари определяют значение *like*, употребленного в качестве дискурсива, следующим образом: 1) заполнитель паузы (*The water was like, really cold*); 2) маркер чужой речи (*I asked Dave if he wanted to go, and he's like, no way!*); 3) сигнал для описания чего-либо, что трудно описать, или когда вместо описания используются междометия (*She was like, huh? (= she did not understand)*) [31]. Кроме того, *like* используется просто как акцентив (*He was, like, gorgeous*), а также для создания эффекта извинения,

некатегоричности, неловкости (*I need to, like, borrow some money*) [<http://www.merriam-webster.com/dictionary/like>].

Исследователи отмечают, что частое *like* является маркером так называемой «гламурной» речи и используется, наряду с другими «модными» проявлениями, такими как вопросительная интонация в утвердительных высказываниях (*uptalk*) и особая «скрипящая» гортанная артикуляция финальных гласных (*vocal fry*), в основном молодыми людьми и подростками для обозначения своей принадлежности к особому социальному кругу, является маркером солидарности и частью «модного» поведения. Зародилась эта мода в начале 2000-х гг. в Калифорнии (США), но сейчас распространилась и в Великобритании. Причем если сначала эти явления были типичны только для молодых девушек, то сейчас они регистрируются в речи молодых мужчин даже чаще, чем у женщин [32–34]. Лингвисты полагают, что те, кто часто использует в речи *like*, выглядят более привлекательными, жизнерадостными, дружелюбными, успешными, но в то же время и менее образованными, умными и интересными [29, 35].

Английские дискурсивы *right, well, so, you know, sort of, like, I mean, I guess* используются в самых различных ситуациях – они смягчают, снижают авторитарность и категоричность сказанного, связывают части высказывания, являются сигналом «активного и кооперативного слушания» [36. С. 222], заполняют паузы хезитации и служат средством плавного вступления в разговор, выражают неуверенность и сомнение и т.д. Важно, что, будучи очень частотными словами, некоторые из этих дискурсивов (например, *now* и *so*), даже при своем избыточном употреблении не создают впечатления слов-паразитов, не оцениваются носителями языка негативно [35]. Эти и многие другие дискурсивы воспринимаются как абсолютно органичный и естественный компонент спонтанной речи, как истинные слова-помощники, без которых речь иностранцев, например, кажется англичанам и американцам сухой, напряженной, грубой и категоричной. Низкий уровень категоричности речи и даже некоторая ее намеренная уклончивость считаются в англоязычной культуре признаком хорошего тона, вежливости, заботы об адресате и в целом тем, к чему должен стремиться хороший оратор [36]. Что касается *like*, то оно расценивается как слово, засоряющее речь, и многие американские родители, например, делают своим детям замечания в связи с частым использованием ими этого слова-паразита [34]. Избыточное присутствие в речи *you know, I mean, I guess* также вызывает отрицательную реакцию носителей английского языка [35].

Интересно, что среди изучающих английский язык бытует мнение, что для того, чтобы суметь принять участие в беседе с носителем языка, достаточно просто выучить несколько дискурсивных маркеров типа *okay, well, right*.

Итак, как показал наш материал, для многих частотных русских и английских дискурсивных слов нечеткость и расплывчатость значений является типичным признаком. Появлению и проявлению диффузности во многом способствует отсутствие или ослабление у дискурсивов денотативного значения. Некоторые дискурсивы-диффузы (*хорошо; на самом деле; дело в том, что; okay; like; I mean* и др.) отличаются широким набором дискурсивных функций. Диффузный характер значения других дискурсивов (*на самом деле, собственно говоря, скажем, like, you know*) приводит к слишком частому и неуместному их употреблению, а следовательно, и превращению в слова-паразиты. Хотя этот процесс, вероятно, нельзя считать односторонним: возможно и обратное влияние – чрезмерное употребление влечет за собой размывание и нечеткость значения, так как то, что употребляется слишком часто, теряет и значимость, и значение.

Большую часть диффузных дискурсивов в нашем материале можно определить как тяготеющую к хезитативной функции в сочетании с акцентирующей; таково функционирование дискурсивов *на самом деле; собственно говоря; дело в том, что; скажем; you know; I mean; I guess, so, now, like, sort of, well*. Дискурсивы *хорошо, okay, right* сочетают функции оценки речи, организации речевого контакта и выражения согласия.

Привлечение к анализу материалов двух сфер общения – науки и СМИ – показало, что в целом диффузы чаще встречаются в массмедийной коммуникации, а именно в устной речи, звучащей по телевидению. В научном дискурсе встречаются диффузы, типичные именно для данного стиля – *дело в том, что; собственно говоря; скажем*. Однако злоупотреблений диффузами здесь не наблюдается. Следует заметить, что речь чаще всего идет именно о диффузности (размытости) значений и функций, а не об их синкретизме (одновременном выражении двух или трех) или полисемии (четком выражении каждого/ой в разных контекстах). При этом чаще злоупотребление диффузными дискурсивами наблюдается в речи, по терминологии Г.П. Нещименко, пользователей, а не носителей языка, хотя встречается и в устной речи журналистов, казалось бы, обязанных быть не только пользователями [37].

В заключение отметим, что, употребляя диффузную лексику, человек не тратит время и умственные усилия на поиск точного слова. В некоторых случаях использование диффузов не вредит коммуникации. Конечно, далеко не все дискурсивы диффузны, но пугает диффузность как раз самых употребительных, так как в большинстве случаев лингвисты видят в диффузности небрежность по отношению как к языку, так и к собеседнику (читателю), т.е. низкий уровень речевой компетентности. Такая диффузность влечет за собой риск обеднения языковой системы: нельзя допустить того, чтобы в языке преобладали «расплывчатость и бесформенность» («*vague and formless*») [10, 12, 13, 34].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Дискурсивные слова русского языка: контекстное варьирование и семантическое единство* / сост. К. Киселева, Д. Пайар. М. : Азбуковник, 2003. 206 с.
2. *Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания* / под ред. К. Киселевой, Д. Пайара. М. : Метатекст, 1998. 446 с.

3. Викторова Е.Ю. Вспомогательные коммуникативные единицы в политическом дискурсе: проблемы перевода (на материале русского и английского языков) // Известия Саратовского университета. 2010. Т. 10. Сер. Филология. Журналистика. Вып. 4. С. 40–48.
4. Викторова Е.Ю. Лингвокультурное своеобразие вспомогательных коммуникативных единиц в политическом дискурсе (на материале русского и английского языков) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2011. № 3 (19). С. 91–97.
5. Викторова Е.Ю. Роль количественного подхода в изучении функционирования дискурсивных слов // Филология и человек. 2013. № 4. С. 34–46.
6. Современная русская устная научная речь. Т. IV : Тексты / под ред. О.А. Лаптевой. М. : Эдиториал УРСС, 1999. 376 с.
7. Шкапенко Т.М. Семантическая диффузность в двуязычном аспекте // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2012. Вып. 8. С. 42–47.
8. Шмелев Д.Н. Полисемия // Лингвистический энциклопедический словарь. М. : Советская энциклопедия, 1990. С. 382.
9. Зимица Н.В. К вопросу о диффузности семантики номинаций средней оценки (на примере ряда разговорных лексических единиц русского и немецкого языков) // Грани познания (электронный журнал). Июнь 2011. № 2 (12). URL: <http://www.grani.ru/files/publics/1311758017.pdf> (дата обращения: 12.12.13).
10. Сиротинина О.Б. Общение в зоне рисков и тенденция к диффузности значений // Проблемы речевой коммуникации : межвуз. сб. науч. тр. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2012. Вып. 12. С. 5–13.
11. Ганев Б.Т. Первоначальная энантиосемия и диффузность в языке // Вестник Омского государственного университета. 2003. № 4. С. 9–14.
12. Сиротинина О.Б. Коммуникация: социальные и профессиональные риски ее срыва и его негативных последствий // Научное обозрение: Гуманитарные исследования. 2012. № 1. С. 132–137.
13. Сиротинина О.Б. Русский язык: система, узус и создаваемые ими риски. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2013. 116 с.
14. Жуков А.В., Жуков К.А. Семантика неопределенности (О словах и фразеологизмах с размытым и широким значением) // Вестник Новгородского государственного университета. 2003. № 25. С. 106–110.
15. Петрова Л.А. Смысловая диффузность идиоглоссы в концептуальном пространстве художественного текста // Филология и человек. 2013. № 3. С. 140–147.
16. Роббек Л.В. К вопросу о лексико-семантической диффузности (лингвофольклористический аспект) // Филология и человек. 2013. № 3. С. 15–24.
17. Янко Т.Е. Интонация речевых действий. Многозначность или диффузность значений? URL: http://www.iling-ran.ru/yanko/intonatsia_rechevux_deistviy.pdf (дата обращения: 12.12.13).
18. Чернышева А.Ю. Грамматические показатели русской ментальности // Русская и сопоставительная филология: Лингвокультурологический аспект. Казань, 2004. С. 279–282.
19. Кормилицина М.А. Качество передаваемой в печатных СМИ информации как фактор социальных рисков // Проблемы речевой коммуникации : межвуз. сб. науч. тр. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2012. Вып. 12. С. 13–25.
20. Кормилицина М.А. Неопределенность как один из распространенных в современной прессе способов подачи информации // Известия Саратовского университета. 2009. Т. 9, вып. 3. С. 70–73.
21. Апресян Ю.Д. О регулярной многозначности // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. М., 1971. Т. XXX, вып. 6. С. 509–523.
22. Северская О.И. Слова-паразиты как бы, на самом деле и достаточно // Наука и жизнь. 2004. № 5. URL: <http://www.nkj.ru/archive/articles/3530/> (дата обращения: 15.01.2014).
23. Словарь наречий и служебных слов русского языка / сост. В.В. Бурцева. М. : Русский язык – Медиа ; Дрофа, 2010. 750 с.
24. Борисова Е.Г. Роль дискурсивных слов в управлении пониманием текста // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии : материалы Междунар. конф. «Диалог» (Бекасово, 30 мая – 3 июня 2012 г.). М. : Изд-во РГГУ, 2012. Т. 1, вып. 11 (18). С. 93–102.
25. Кронгауз М.А. Вот как-то так на самом деле // Наука и технология России (25.03.2010). URL: http://www.strf.ru/material.aspx?CatalogId=222&d_no=28737#_ftnKZtJdWuI (дата обращения: 15.01.2014).
26. Богданова Н.В. О проекте словаря дискурсивных единиц русской речи (на корпусном материале) // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии : материалы Междунар. конф. «Диалог» (Бекасово, 30 мая – 3 июня 2012 г.). М. : Изд-во РГГУ, 2012. Т. 1, вып. 11 (18). С. 71–80.
27. Исаченко О.М. Дискурсивные маркеры реальности : семантика достоверности // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. История, филология. 2012. Т. 11, вып. 2 : Филология. С. 25–33.
28. Шерстяных И.В. Дискурсивное слово «хорошо» и его функции в современном русском языке // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 21 (275). Филология. Искусствоведение. Вып. 68. С. 146–152.
29. Dailey-O'Cain J. The sociolinguistic distribution of and attitudes toward focuser *like* and quotative *like* // Journal of Sociolinguistics. 2000. № 4 (1). P. 60–80.
30. Aijmer K. English Discourse Particles. Evidence from a Corpus. Amsterdam : John Benjamins Publ. Company, 2002. 299 p.
31. Longman Exams Dictionary. Pearson Education Limited, 2006. 1833 p.
32. Winterman D. Teen slang: What's, like, so wrong with like? URL: <http://www.bbc.co.uk/news/magazine-11426737> (дата обращения: 12.12.13).
33. Quenqua D. They're, Like, Way Ahead of the Linguistic Currrrve. URL: http://www.nytimes.com/2012/02/28/science/young-women-often-trendsetters-in-vocal-patterns.html?pagewanted=all&_r=0 (дата обращения: 12.12.13).
34. Lewandowski T. Uptalk, Vocal Fry and, Like, Totally Slang: Assessing Stylistic Trends in American Speech // Stylistyka. 2012. № XXI. P. 209–219.
35. Buchstaller I. Social stereotypes, personality traits and regional perceptions displaced : Attitudes towards the 'new' quotatives in the UK // Journal of Sociolinguistics. 2006. № 10(3). P. 362–381.
36. Carter R., McCarthy M. Cambridge Grammar of English. Cambridge : Cambridge University Press, 2007. 973 p.
37. Нецименко Г.П. Динамика речевого стандарта современной публичной вербальной коммуникации: Проблемы. Тенденции развития // Вопросы языкознания. 2001. № 1. С. 98–132.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 18 апреля 2014 г.

FUNCTIONING OF DISCOURSE MARKERS WITH INDEFINITE MEANING

Tomsk State University Journal. No. 383 (2014), 27–34. DOI: 10.17223/15617793/383/4

Viktorova Elena Yu. Saratov State University (Saratov, Russian Federation). E-mail: helena_v@inbox.ru

Keywords: discourse markers; indefiniteness; the Russian language; the English language; academic discourse; mass-media discourse; desemantization.

The article presents the research of most frequently used discourse markers which possess semantic indefiniteness. Discourse markers are interpreted as auxiliary language means which help communicators during the processes of discourse generation, actualization and perception. The research is based on Russian and English academic and mass-media speech, the materials of the National Russian Corpus and the personal card-catalogue of the author. Discourse markers belong to different parts of speech, although they may be combined into one word class on the basis of their mutual functions connected with communication management and organization. We regard discourse markers as the units of a pragmatic level which may have different meaning and structure and are characterized by the

deficient denotative meaning. The semantic structure of discourse markers is, on the one hand, vague and indistinct, but, on the other hand, combined and synthetic. Indefiniteness of discourse markers is studied in linguo-theoretical and orthological aspects and is defined as indiscreteness of their meanings; therefore these words acquire rather broad usage. Inexact and vague meanings are a result of their full or partial desemantization. The article analyses the indefinite character of the following discourse markers: *dostatochno; na samom dele; sobstvenno govorya; delo v tom, chto; khorosho, okay, like, right, well, so, you know, sort of, like, I mean*. One group of discourse markers with indefinite meanings (*khorosho; na samom dele; delo v tom, chto; okay; like; I mean* and others) demonstrate a broad variety of functions. Indefiniteness of meaning of other discourse markers results in their too frequent and inappropriate use and, therefore, they turn into junk words. However, the opposite tendency is also possible: abundant use leads to desemantization and indefiniteness of meaning, because what is used too often loses both its importance and its meaning. Many discourse markers (for example, *na samom dele*) acquired indefinite meanings because they became fashionable in usage: their abundant use brought about the loss of their original meaning. Indefiniteness is a characteristic feature of many discourse markers both in English and Russian. Using words with indefinite meaning, a speaker saves time and mental efforts to find the exact word. In some cases usage of such words does not do any harm to communication and even is the only possible means of nomination in each case of their occurrence. However, in most cases linguists regard indefiniteness as an expression of carelessness towards the language and the conversation partner (reader), that is the low level of speech competence. Such indefiniteness results in the risk of the deterioration of the language system.

REFERENCES

1. Kiseleva K., Paillard D. (eds.) *Diskursivnye slova russkogo yazyka: kontekstnoe var'irovanie i semanticheskoe edinstvo* [Discourse Russian words: context variation and semantic unity]. Moscow: Azbukovnik Publ., 2003. 206 p.
2. Kiseleva K., Paillard D. (eds.) *Diskursivnye slova russkogo yazyka: opyt kontekstno-semanticheskogo opisaniya* [Discursive Russian words: the experience of context-semantic description]. Moscow: Metatekst Publ., 1998. 446 p.
3. Viktorova E.Yu. Vspomogatel'nye kommunikativnye edinitsy v politicheskom diskurse: problemy perevoda (na materiale russkogo i angliyskogo yazykov) [Auxiliary communicative units in political discourse: the problems of translation (based on the Russian and English languages)]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Seriya Filologiya. Zhurnalistika*, 2010, vol. 10, issue 4, pp. 40-48.
4. Viktorova E.Yu. Lingvokul'turnoe svoeobrazie vspomogatel'nykh kommunikativnykh edinit v politicheskom diskurse (na materiale russkogo i angliyskogo yazykov) [Linguistic and cultural distinctiveness auxiliary communicative units in political discourse (on the material of Russian and English languages)]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki*, 2011, no. 3 (19), pp. 91-97.
5. Viktorova E.Yu. Rol' kolichestvennogo podkhoda v izuchenii funktsionirovaniya diskursivnykh slov [The role of quantitative approach to the study of discourse words functioning]. *Filologiya i chelovek*, 2013, no. 4, pp. 34-46.
6. Lapteva O.A. (ed.) *Sovremennaya russkaya ustnaya nauchnaya rech'* [Contemporary Russian oral scientific speech]. Moscow: Editorial URSS Publ., 1999. Vol. 4, 376 p.
7. Shkapenko T.M. Semantic diffusion: the bilingual aspect. *Vestnik Baltiyskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta*, 2012, issue 8, pp. 42-47.
8. Shmelev D.N. *Polisemiya* [Polysemy]. In: *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1990, p. 382.
9. Zimina N.V. K voprosu o diffuznosti semantiki nominatsiy sredney otsenki (na primere ryada razgovornykh leksicheskikh edinit russkogo i nemetskogo yazykov) [On the diffuseness of average assessment nomination semantics (by example of Russian and German conversational lexical units)]. *Grani poznaniya*, 2011, no. 2. Available at: www.grani.ru/files/publics/1311758017.pdf. (Accessed: 12th December 2013).
10. Sirotnina O.B. *Obshchenie v zone riskov i tendentsiya k diffuznosti znacheniy* [Communication in the area of risk and the tendency to diffuseness of meanings]. In: *Problemy rechevoy kommunikatsii* [Problems of speech communication]. Saratov: Saratov University Publ., 2012, issue 12, pp. 5-13.
11. Ganev B.T. Pervonachal'naya enantiosemya i diffuznost' v yazyke [Initial enantiosemy and diffusivity in the language]. *Vestnik Omskogo gosuniversiteta – Communications of Omsk University*, 2003, no. 4, pp. 9-14.
12. Sirotnina O.B. Communication: social and professional risks of disruption and its negative consequences. *Nauchnoe obozrenie: Gumanitarnye issledovaniya - Science review: humanities research*, 2012, no. 1, pp. 132-137. (In Russian).
13. Sirotnina O.B. Russkiy yazyk: sistema, uzus i sozdavaemye imi riski [Russian language: system, language usage and risks they create]. Saratov: Saratov University Publ., 2013. 116 p.
14. Zhukov A.V., Zhukov K.A. Semantika neopredelennosti (O slovakh i frazeologizmakh s razmytym i shirokim znacheniem) [Semantics of uncertainty (about words and collocations with blurred and broad semantics)]. *Vestnik Novgorodskogo gosuniversiteta Vestnik of Yaroslav The Wise Novgorod State University*, 2003, no. 25, pp. 106-110.
15. Petrova L.A. Smyslovaya diffuznost' idioglossy v kontseptual'nom prostranstve khudozhestvennogo teksta [Semantic diffuseness of an idiogloss in the conceptual space of fiction]. *Filologiya i chelovek*, 2013, no. 3, pp. 140-147.
16. Robbek L.V. K voprosu o leksiko-semanticheskoy diffuznosti (lingvofol'kloristicheskiy aspekt) [On the lexical-semantic diffuseness (linguistic-folklore aspect)]. *Filologiya i chelovek*, 2013, no. 3, pp. 15-24.
17. Yanko T.E. *Intonatsiya rechevykh deystviy. Mnogoznachnost' ili diffuznost' znacheniy?* [Intonation of speech acts. Polysemy or diffusivity of meanings?]. Available at: http://iling-ran.ru/yanko/intonatsia_rechevyx_deistviy.pdf. (Accessed: 12th December 2013).
18. Chernysheva A.Yu. *Grammaticheskie pokazateli russkoy mental'nosti* [Grammatical markers of Russian mentality]. In: *Russkaya i sopostavitel'naya filologiya: Lingvokul'turologicheskiy aspekt* [Russian and Comparative Philology: linguoculturological aspect]. Kazan, 2004, pp. 279-282.
19. Kormilitsyna M.A. [Quality of the transmitted information in the print media as a factor of social risks]. *Problemy rechevoy kommunikatsii* [Problems of speech communication], 2012, issue 12, pp. 13-25. (In Russian).
20. Kormilitsyna M.A. Neopredelennost' kak odin iz rasprostranennykh v sovremennoy presse sposobov podachi informatsii [Uncertainty as one of the most common ways of presenting information in modern press]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta*, 2009, vol. 9, issue 3, pp. 70-73.

21. Apresyan Yu.D. O regul'arnoy mnogoznachnosti [On regular polysemy]. *Izvestiya AN SSSR. Otdelenie literatury i yazyka*, 1971, vol. 30, issue 6, pp. 509-523.
22. Severskaya O.I. Slova-parazity kak by, na samom dele i dostatochno [Fillers 'kak by', 'na samom dele' and 'dostatochno']. *Nauka i zhizn'*, 2004, no 5. Available at: <http://www.nkj.ru/archive/articles/3530/>. (Accessed: 15th January 2014).
23. *Slovar' narechiy i sluzhebnykh slov russkogo yazyka* [Dictionary of adverbs and function words of Russian]. Moscow: Russkiy yazyk – Media; Drofa Publ., 2010. 750 p.
24. Borisova E.G. Rol' diskursivnykh slov v upravlenii ponimaniem teksta [Discursive role in the management of understanding the words of the text]. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii* [Computational Linguistics and Intellectual Technologies], Moscow: Russian State Humanitarian University Publ., 2012, issue 11 (18), vol. 1, pp. 93-102.
25. Krongauz M.A. Vot kak-to tak na samom dele [This is pretty much the way]. *Nauka i tekhnologiya Rossii*, 25th March 2010. Available at: http://www.strf.ru/material.aspx?CatalogId=222&d_no=28737#.UtbKZtJdWuI. (Accessed: 15th January 2014).
26. Bogdanova N.V. O proekte slovarya diskursivnykh edinit russkoy rechi (na korpusnom materiale) [On the project of a dictionary of Russian discursive units of speech (on the National Corpus material)]. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii* [Computational Linguistics and Intellectual Technologies], Moscow: Russian State Humanitarian University Publ., 2012, issue 11 (18), vol. 1, pp. 71-80.
27. Isachenko O.M. Diskursivnye markery real'nosti : semantika dostovernosti [Discursive markers of reality: authenticity semantics]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya*, 2012, vol. 11, issue 2, pp. 25-33.
28. Sherstyanykh I.V. The discourse word "well" and its functions in modern Russian. *Vestnik Chelyabinskogo gos. un-ta. Filologiya. Iskusstvovedenie*, 2012, no. 21 (275), issue 68, pp. 146-152.
29. Dailey-O'Cain J. The sociolinguistic distribution of and attitudes toward focuser like and quotative like. *Journal of Sociolinguistics*, 2000, no. 4 (1), pp. 60-80.
30. Ajmer K. *English Discourse Particles. Evidence from a Corpus*. Amsterdam: John Benjamins Publ. Company, 2002. 299 p.
31. *Longman Exams Dictionary*. Pearson Education Limited, 2006. 1833 p.
32. Winterman D. Teen slang: *What's, like, so wrong with like?* Available at: <http://www.bbc.co.uk/news/magazine-11426737>. (Accessed: 12th December 2013).
33. Quenqua D. *They're, Like, Way Ahead of the Linguistic Currrrve*. Available at: http://www.nytimes.com/2012/02/28/science/young-women-often-trendsetters-in-vocal-patterns.html?pagewanted=all&_r=0. (Accessed: 12th December 2013).
34. Lewandowski T. Uptalk, Vocal Fry and, Like, Totally Slang: Assessing Stylistic Trends in American Speech, *Stylistyka*, 2012, XXI, pp. 209-219.
35. Buchstaller I. Social stereotypes, personality traits and regional perceptions displaced : Attitudes towards the 'new' quotatives in the UK. *Journal of Sociolinguistics*, 2006, no. 10(3), pp. 362-381.
36. Carter R., McCarthy M. *Cambridge Grammar of English*. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. 973 p.
37. Neshchimenko G.P. Dinamika rechevogo standartnogo sovremennoy publichnoy verbal'noy kommunikatsii : Problemy. Tendentsii razvitiya [Dynamics of speech standard of modern public verbal communication. Problems. Development trends]. *Voprosy yazykoznaniya*, 2001, no. 1, pp. 98-132.

Received: April 18, 2014